

Глава 1

I

Капитан Кросби вышел из банка с довольным видом человека, который, получив деньги по чеку, обнаружил, что на счету их немного больше, чем он ожидал.

Довольным собой капитан Кросби выглядел часто. Такой уж он был человек. Невысокий, коренастый, с красноватым лицом и щетинистыми армейскими усами, вышагивая важно по улице, он немного напоминал индюка. Одевался, пожалуй, чуть слишком броско и был большим любителем поговорить и послушать. В компании капитан пользовался популярностью. Неунывающий бодрячок, вполне себе заурядный, но славный малый, да еще и неженатый. Ничего особенного или примечательного. На Востоке таких Кросби пруд пруди.

Улица, на которую вышел Кросби, называлась Банковской и имела на то все основания, поскольку именно на ней и расположилось большинство банков в городе. В том, из которого вышел капитан, было прохладно, сумрачно и пахло плесенью. Тиши-

6 *Агата Кристи*

ну нарушал лишь сухой стрекот множества невидимых печатных машинок.

Банковская улица встретила его ярким солнцем, кружащей в воздухе пылью и шумной, пестрой мешаниной настойчивых автомобильных гудков и криков торговцев всем и вся. Мужчины, собравшись кучками, спорили так горячо, что, казалось, вот-вот вцепятся друг другу в глотку, а между тем они были закадычными приятелями; по улицам деловито сновали продавцы с подносами — взрослые, мальчишки и совсем еще дети, — предлагая сладости, апельсины и бананы, банные полотенца, гребни для волос, бритвенные лезвия и прочие товары. Тут и там без конца отхаркивались и сплевывали, и над всем этим висели унылые, меланхоличные крики погонщиков, ведущих в потоке машин и пешеходов лошадей и ишаков: *«Балек... балек... Дорогу!»*

В городе Багдаде было одиннадцать часов утра.

Остановив бегущего с кипой газет мальчишку, капитан Кросби купил одну и продолжил путь. На углу Банковской он повернул за угол и вышел на улицу Рашид, главную магистраль Багдада, протянувшуюся через город почти на четыре мили параллельно реке Тигр.

Пробежав глазами заголовки на первой странице, капитан Кросби сунул газету под мышку, прошел еще пару сотен ярдов, свернул в переулок и оказался в просторном дворе — по-здешнему, хане. В дальней стороне двора он толкнул дверь с бронзовой табличкой и вошел в контору.

Сидевший за пишущей машинкой молодой опрятный клерк-иракец поднялся и приветствовал гостя доброжелательной улыбкой:

— Доброе утро, капитан Кросби. Чем могу помочь?

— Мистер Дэйкин у себя? Хорошо. Я пройду.

Капитан прошел через дверь, поднялся по довольно-таки крутым ступенькам и зашагал по пыльному, не отличающемуся чистотой коридору. В конце его он постучал в еще одну дверь.

— Войдите, — ответил голос.

Комната с высоким потолком не могла похвастать комфортом — керосиновая печь с миской для воды, низенький диванчик с кофейным столиком да большой, выдавший виды письменный стол. Под потолком горела лампочка, окно же было тщательно занавешено. За столом сидел потрепанного вида человек с усталым, нерешительным лицом неудачника, сознающего, что жизнь не удалась, и уже ничего от нее не ждущего.

Мужчины — бодрый, самоуверенный Кросби и меланхоличный, изнуренный жизнью Дэйкин — посмотрели друг на друга.

— Привет, Кросби, — сказал Дэйкин. — Из Киркука?¹

Гость кивнул, после чего тщательно закрыл за собой дверь. Побитая, кое-как покрашенная дверь эта обладала одним качеством, предположить наличие которого в ней никто бы не догадался: закрывалась

¹ К и р к у к — город на северо-востоке Ирака, в Курдистане.

8 *Агата Кристи*

она так плотно, что не оставляла ни щелей, ни про света внизу.

Дверь была звуконепроницаемая.

Как только она закрылась, характер поведения и манера держаться обоих персонажей едва заметно, но разительно переменились. Капитан Кросби как будто утратил агрессивность и самоуверенность. Мистер Дэйкин уже меньше сутулился и колебался. Будь в комнате кто-то третий, он с удивлением обнаружил бы, что распоряжается здесь именно Дэйкин.

— Есть новости, сэр? — осведомился Кросби.

— Есть, — вздохнул Дэйкин, помечая еще две буквы в сообщении, расшифровкой которого занимался. — Все пройдет в Багдаде.

Он чиркнул спичкой, поднес огонек к листку и подождал, пока тот сгорит. Потом осторожно подул на обуглившуюся бумагу. Пепел встрепенулся и рассыпался.

— Да. Остановились на Багдаде. Двадцатого числа этого месяца. Нам предписано «соблюдать полнейшую секретность».

— На базаре об этом третий день говорят, — сухо заметил Кросби.

Дэйкин устало улыбнулся.

— Совершенно секретно! Вот только на Востоке такого понятия, как «совершенно секретно», не существует, не так ли, Кросби?

— Вы правы, сэр. Только, по-моему, никаких секретов нет уже нигде. В прошлую войну¹ я, бывало,

¹ Имеется в виду Первая мировая война.

частенько замечал, что любой лондонский парикмахер знает больше, чем Верховное командование.

— В данном случае это не так уж и важно. Если встречу намечено провести в Багдаде, об этом скоро будет объявлено. Вот тогда-то карусель — наша с вами — и завертится.

— Полагаете, сэр, она все-таки состоится? — недоверчиво спросил Кросби. — И Дядюшка Джо¹ действительно приедет? — «Дядюшкой Джо» капитан непочтительно называл руководителя одной великой европейской державы.

— Полагаю, в этот раз приедет, — задумчиво сказал Дэйкин. — Да, приедет. И если совещание пройдет гладко, без сучка без задоринки... что ж, тогда, возможно, все еще можно спасти. Если только удастся достичь взаимопонимания... — Он не договорил.

— То есть... простите, сэр... какое-то взаимопонимание еще возможно? — с сомнением спросил Кросби.

— В том смысле, который вы имеете в виду, вероятно, нет. Если бы речь шла об обычной встрече двух людей, представляющих совершенно различные идеологии, то все, наверное, закончилось бы как обычно — усилившейся подозрительностью и непониманием. Но есть третий элемент. Если та фантастическая история Кармайкла верна...

Дэйкин оборвал себя:

— Но она ведь не может быть верна. Слишком уж фантастична!

¹ Так на Западе называли И. В. Сталина.

Человек за столом помолчал. Перед его глазами живо встало встревоженное лицо, в ушах снова звучал тихий, невыразительный голос, говоривший невероятное, невысказанное... Словно напоминая себе самому, Дэйкин повторил про себя слова, сказанные им тогда: «Либо мой лучший, мой самый надежный агент рехнулся, либо... так оно и есть».

— Кармайкл верил, — заговорил он усталым, отрешенным голосом. — Все, что ему удалось найти, подтвердило его предположение. Он собирался отправиться туда и узнать больше, добыть доказательства. Благоразумно ли было отпускать его, я не знаю. Если он не вернется, останется только то, что он сообщил мне, то есть некая история, рассказанная ему кем-то. Будет ли этого достаточно? Не думаю. Как вы и сказали, слишком уж фантастично. Но если он сам будет двадцатого здесь, в Багдаде, и расскажет все со слов очевидца, если предъявит доказательства...

— Доказательства? — воспрянул Кросби.

— Да, — кивнул Дэйкин. — У него есть доказательства.

— Откуда вы знаете?

— Закодированное сообщение. Мне передал его Салах Хасан. *«Белый верблюд с грузом овса идет через перевал»*, — медленно процитировал Дэйкин.

И, помолчав, продолжил:

— Значит, Кармайкл добыл то, за чем отправился, но остаться незамеченным ему не удалось. Его преследуют. Какой бы маршрут он ни выбрал, всё под наблюдением. И, что самое опасное, они будут ждать

его здесь. Сначала на границе. Если ему удастся перейти границу, выставят кордон у посольства и консульства. Вот, послушайте...

Он порылся в лежавших на столе бумагах и стал читать вслух:

— «Англичанин, путешествовавший на автомобиле из Персии в Ирак, застрелен насмерть — предположительно бандитами. Спустившийся с гор курдский торговец попал в засаду и убит. Еще один курд, Абдул Хасан, заподозренный в контрабанде сигаретами, застрелен полицией. Тело мужчины, в котором позднее опознали водителя-армянина, обнаружено на Ровандузской дороге...» Обратите внимание, описание убитых в общих чертах совпадает. Рост, вес, цвет волос — все примерно то же, что и у Кармайкла. Он им нужен, и они действуют наверняка. В Ираке же его ждет еще большая опасность. Садовник при посольстве, слуга в консульстве, чиновник в аэропорту, на таможне, на железнодорожной станции... Поставят своих людей у отелей... Его возьмут в кольцо. В плотное кольцо.

Кросби вскинул брови:

— Думаете, у них такая широкая сеть?

— Нисколько не сомневаюсь. Утечки случаются даже в нашем ведомстве, вот что хуже всего. Откуда мне знать, что о мерах, принимаемых нами для безопасного возвращения Кармайкла в Багдад, уже не знает другая сторона? Подкупить кого-то в лагере противника — элементарный ход в нашей игре.

— Вы кого-то подозреваете?

12 *Агата Кристи*

Дэйкин медленно покачал головой.

Кросби вздохнул.

— Так что, действуем по плану? — спросил он.

— Да.

— Как насчет Крофтона Ли?

— Он согласился приехать в Багдад.

— Все едут в Багдад. Даже, как вы говорите, Дядюшка Джо. Но если что-то случится с президентом, пока он здесь, жаждущих мести будет уже не удержать.

— Случиться ничего не должно, — твердо сказал Дэйкин. — И это наша обязанность — позаботиться о том, чтобы ничего не случилось.

После ухода Кросби он снова склонился над столом, пробормотав себе под нос:

— Они приехали в Багдад...

На листке промокатальной бумаги Дэйкин нарисовал кружок и написал под ним слово «Багдад», затем изобразил верблюда, самолет, пароход и маленький пытящий паровоз, расположив их с четырех сторон от кружка. В углу листка он нарисовал паутину, а в середине паутины написал имя: «Анна Шееле». И поставил под ним большой вопросительный знак.

Потом Дэйкин надел шляпу и вышел из конторы на улицу Рашид. Глядя ему вслед, один из прохожих спросил спутника, кто это такой.

— Который? А, это Дэйкин. Работает тут в какой-то нефтяной компании. Неплохой малый, но далеко не пойдет. Больно уж вялый. Да и выпивает, говорят. Ему здесь ничего не светит. В этой стране, чтобы пробиться, надо шевелиться.

II

— Вы получили отчет по собственности Кругенхорфа, мисс Шееле?

— Да, мистер Моргенталь.

Мисс Шееле, невозмутимая и деловитая, положила перед боссом затребованные бумаги.

Читая, он довольно хмыкнул:

— По-моему, неплохо.

— Определенно неплохо, мистер Моргенталь.

— Шварц здесь?

— Ждет в приемной.

— Пришлите его прямо сейчас.

Мисс Шееле нажала кнопку звонка — одну из шести.

— Я вам еще нужна, мистер Моргенталь?

— Думаю, что нет, мисс Шееле.

Анна Шееле неслышно выскользнула из комнаты.

Платиновая блондинка, она, однако, не вызывала у мужчин желания оглянуться ей вслед. Бледные льняные волосы были туго стянуты на затылке в аккуратный узел. Бледно-голубые глаза смотрели на мир из-за толстых стекол очков. Изящному, с тонкими чертами личику определенно не доставало выразительности. Всем, чего добилась в мире, она была обязана не женскому очарованию, но абсолютной деловитости. Информацию, даже самую сложную, держала в голове и имена, даты, время выдавала, не обращаясь к записям. Работу в большом офисе умела организовать так, что все двигалось, как шестеренки в хорошо смазанном механизме. Воплощенная ответ-

ственность и неиссякаемый, но притом контролируемый и дисциплинированный источник энергии.

Отто Моргенталь, глава международной банковской фирмы «Моргенталь, Браун и Шипперке», прекрасно сознавал, что обязан Анне Шееле бóльшим, чем можно выразить деньгами. Своей секретарше он доверял. Ее память, опыт, мнение, хладнокровие и рассудительность были бесценны. Он хорошо ей платил и, попроси она прибавки, согласился бы без вопросов.

Она знала детали не только его бизнеса, но и подробности частной жизни. Когда он спросил ее мнение по проблеме со второй миссис Моргенталь, Анна посоветовала развестись и даже назвала точную сумму алиментов. И не выразила при этом ни сочувствия, ни любопытства. Это было бы не в ее характере. Он не предполагал наличия у нее каких-либо чувств, никогда не спрашивал себя, о чем она думает, и, наверное, удивился бы, узнав, что у нее есть какие-то мысли помимо тех, что так или иначе связаны с «Моргенталь, Браун и Шипперке» и проблемами самого Отто Моргенталья.

Вот почему она застала его врасплох, когда, прежде чем выйти из кабинета, сказала:

— Я бы хотела, если такое возможно, мистер Моргенталь, получить трехнедельный отпуск. Начиная со следующего вторника.

— Это будет некстати, — заволновался он, уставившись на нее с удивлением. — Весьма некстати.

— Никаких трудностей не возникнет, мистер Моргенталь. Мисс Уайгейт вполне справится с дела-

ми. Я оставлю ей все свои записи и подробные инструкции. Мистер Корнуэлл проследит за слиянием «Эшера».

— Вы ведь не заболели? — все еще с беспокойством спросил он. — Ничего такого?

Мысль о том, что мисс Шееле может заболеть, не приходила ему в голову. Такого не могло быть. Даже микробы из уважения к Анне Шееле обходили ее стороной.

— О нет, мистер Моргенталь. Хочу съездить в Лондон повидать сестру.

— Сестру? — Он и не знал, что у нее есть сестра. Даже не представлял, что у мисс Шееле могут быть родственники, семья. Она никогда ни о чем таком не упоминала. И вот теперь нате вам — сестра в Лондоне... Прошлой осенью, когда она сопровождала его в поездке в Лондон, ни о какой сестре и речи не заходило.

— Впервые слышу, что у вас сестра в Англии, — укоризненно заметил он.

Мисс Шееле едва заметно улыбнулась.

— Да, мистер Моргенталь. Замужем за англичанином, как-то связанным с Британским музеем. Ей предстоит очень серьезная операция, и она хочет, чтобы я побыла рядом. Мне нужно поехать.

Отто Моргенталь понял, что решение она уже приняла.

— Хорошо, хорошо, — проворчал он. — И возвращайтесь как можно скорее. Рынок такой неустойчивый. Все из-за чертовых коммунистов. Война может разразиться в любой момент. Иногда мне думается,